

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Отделение теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Сборник трудов конференции 2017

Москва
Буки Веди
2018

УДК 811.512.145

ББК 81.632.3

Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 /
Ред. Кс. П. Семёнова. – М.: «Буки Веди», 2018. – 216 с. – ISBN 978-5-4465-
2096-1

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук В. И. Беликов
доктор филологических наук Н. Р. Сумбатова

В сборник вошли статьи, написанные участниками конференции «Малые языки в большой лингвистике», состоявшейся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 2-3 ноября 2017 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

ISBN 978-5-4465-2096-1

© Коллектив авторов, 2018

«Презенс нарушенного ожидания» в андийском языке*

Тимур Анатольевич Майсак
Институт языкознания РАН / НИУ ВШЭ
timur.maisak@gmail.com

1. Введение

Андийский язык относится к аваро-андийской группе нахско-дагестанской семьи и является одним из малых бесписьменных языков Республики Дагестан. Как и большинство языков андийской группы, андийский остается малоизученным, несмотря на то, что на протяжении XX в. появилось несколько грамматических очерков, охватывающих фонологию и морфологию этого языка — см. прежде всего [Дирр, 1906; Сулейманов, 1957; Церцвадзе, 1965; Салимов, 2001¹], а также неопубликованную рукопись [Кибрик, 1982], написанную по результатам экспедиции ОСиПЛ МГУ в с. Анди 1981 года. В ходе полевых исследований последних лет данные как о составе именной и глагольной парадигм, так и об употреблении грамматических форм продолжают пополняться, и данная публикация посвящена как раз одной из глагольных форм, в описаниях не освещавшихся.

Речь идет о форме на *-david*, условно называемой нами «презенсом нарушенного ожидания», которая необычна как на общедагестанском, так и на типологическом фоне с точки зрения своей семантики и пути грамматикализации. Ранее в описаниях андийского языка эта форма не отмечалась и не включалась в глагольную парадигму — при том что в некоторых работах она встречается в примерах или прилагаемых текстах. В 2015 г. она была заново открыта и изучена на материале говора с. Риквани (Ботлихский район Республики Дагестан) в ходе экспедиции НИУ ВШЭ, а затем обнаружена и в других источниках — текстах, прилагаемых к очеркам [Дирр, 1906; Салимов, 2001] и публикациях на андийском языке, появившихся в 2010-е годы (сборник сказок народов мира и перевод Евангелия от Луки на андийский язык).

* Работа над статьей выполнялась в рамках проекта РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии». Благодарим Ч. Р. Газиева и Р. Г. Газиева за помощь в изучении рикванинского говора андийского языка, а также С. Ферхеес за предоставление данных зиловского говора.

¹ Грамматический очерк в монографии Х. Г. Салимова основан на кандидатской диссертации автора, защищенной в 1968 г.

2. Глагольная парадигма андийского языка

Синтетические глагольные формы в андийском языке образуются от одной из двух основ: основы перфектива (аорист, перфект, масдар, прогрессив, перфективное причастие и деепричастие и пр.) или основы инфинитива (собственно инфинитив, презенс, хабитуалис, футурум, проспектив, интенционал и пр.) Презенс нарушенного ожидания относится ко второй подсистеме. Отрицательные эквиваленты образуются главным образом при помощи показателя *-s:u*, который присоединяется непосредственно к утвердительной форме. У некоторых форм (будущее, прохибитив) отрицание включает данный показатель, но образуется нерегулярно; кроме того, у перфекта и синкретичного с ним перфективного деепричастия имеется второй вариант отрицательной формы с показателем *-č'igu*.

В таблице 1 показаны основные формы индикатива и их отрицательные эквиваленты (приводятся формы глагола 'быть, стать' из рикванинского говора; начальное *w-* представляет собой классный показатель мужского класса). Как можно заметить, в «подсистеме инфинитива» презенс, проспектив и интенционал образованы непосредственно от инфинитива, тогда как будущее время — по всей видимости, от хабитуалиса (судя по нестандартной форме отрицания). Также бросается в глаза, что аффиксы интенционала и презенса нарушенного ожидания кажутся слишком «тяжелыми», что может отражать их относительно недавнюю грамматикализацию. Внутренняя форма интенционала при этом прозрачна: он образован от инфинитива при помощи квотативной энклитики *-kojd*.

Таблица 1. Основные синтетические формы глагола 'быть, стать'

форма	утвердительные	отрицательные
Аорист	<i>w-uk'o</i>	<i>w-uk'o-s:u</i>
Перфект / перфективное деепричастие	<i>w-uk'o-d</i>	<i>w-uk'o-d-s:u</i> <i>w-uk'o-č'igu</i>
Прогрессив	<i>w-uk'o-rado</i>	<i>w-uk'o-rado-s:u</i>
Инфинитив	<i>w-uk'u-du</i>	<i>w-uk'u-du-s:u</i>
Презенс	<i>w-uk'u-duq</i>	<i>w-uk'u-duq-s:u</i>
Проспектив	<i>w-uk'u-dulq</i>	<i>w-uk'u-dulq-s:u</i>
Интенционал	<i>w-uk'u-dukojd</i>	<i>w-uk'u-dukojd-s:u</i>
Хабитуалис	<i>w-uk'u-do</i>	<i>w-uk'u-do-s:u</i>
Будущее	<i>w-uk'u-dja</i>	<i>w-uk'u-dos:ja</i>
Презенс нарушенного ожидания	<i>w-uk'u-david</i>	<i>w-uk'u-david-s:u</i>

3. Семантика презенса нарушенного ожидания

Особенность формы презенса нарушенного ожидания состоит в том, что она, не включая в свой состав показателя отрицания, имеет «отрицательное» значение и в изолированном контексте, как правило, перево-

дится носителями как отрицательное настоящее время ('не делает', 'не пишет', 'дождь не идет' и т.п.). Регулярное отрицание на *-s:u* у этой формы при этом также имеется, и эта отрицательная форма выражает уже утвердительное значение ('делает', т.е. 'не не делает', 'неверно, что не делает'), см. (1)

- (1) *musa-d wos:u-l'o kavar q"ar-david-s:u*
 Муса-ERG брат-SUPER.LAT письмо писать-UNEXP.PRS-NEG
 {В ответ на сомнение собеседника в том, что Муса пишет письма брату: – Да нет, почему же.} 'Муса пишет брату письма.'

Если, однако, рассмотреть значение высказываний с презенсом нарушенного ожидания в более широком прагматическом контексте, то оказывается, что презенс на *-david* выражает не «логическое» отрицание в чистом виде. Данная форма описывает ситуацию, наличие которой в момент речи ожидается, однако ситуация не имеет места ('так и не делает', 'все еще не делает' и т.п.), см. примеры (2)-(3); иначе говоря, эта форма описывает *нарушение ожиданий* говорящего относительно текущей ситуации.

- (2) *djo hege-b c'in-navid²*
 я.AFF этот-N знать-UNEXP.PRS
 'Я этого так и не понимаю (хотя ты меня уже давно этому учишь).'

- (3) *anzi rel-david*
 снег дождить-UNEXP.PRS
 'Снег всё не идет (хотя уже январь).'

С субъектом-человеком в качестве одного из переводных эквивалентов нередко предлагается интерпретация 'не хочет делать', однако дезидеративный компонент как таковой в семантику формы, по-видимому, не входит: ср. (4), в котором эксплицитно задано желание субъекта осуществить действие. Кроме того, форма презенса нарушенного ожидания не имеет лексических ограничений и может использоваться с любым типом предиката и любым типом субъекта, в т.ч. неодушевленным (ср. (3)).

- (4) *w-ukun-nu žil'i-d, amma w-ukun-navid*
 М-есть-INF хотеть-PRF но М-есть-UNEXP.PRS
 'Хочет он есть, но так и не ест (например, стесняется).'

² В показателе *-navid* (как и в других показателях от основы инфинитива с начальным /d/) начальный согласный переходит в /n/ в результате ассимиляции конечным носовым согласным глагольной основы.

4. Поиск диахронического источника: внутриязыковые данные

Учитывая «отрицательную» семантику презенса нарушенного ожидания и при этом отсутствие в составе показателя *-david* собственно отрицательных морфем (по крайней мере тех, которые употреблялись бы с другими глагольными формами), можно задаться вопросом о том, каков в принципе мог бы быть диахронический источник и путь грамматикализации данной формы? Обратимся сначала к внутриязыковым данным.

Исходя из собственно фонетической формы показателя, *-david* выглядит как стяжение инфинитива на *-du* (к которому, как указывалось выше, восходит ряд форм «подсистемы инфинитива») либо хабиитуалиса на *-do* с каким-то постпозитивным элементом (условно, *-avid*). Этот второй элемент при этом вполне может содержать показатель перфекта либо синкретичного с ним перфективного деепричастия на *-d*. Пока мы говорили только о показателе презенса нарушенного ожидания в рикванинском говоре, однако данные других говоров не противоречат высказанной гипотезе: так, в андийском (с. Анди) и гагатлинском (с. Гагатли) говорах суффикс презенса нарушенного ожидания имеет вид *-david:u*, при этом показателем перфекта / перфективного деепричастия является *-d:u*. Таким образом, компонент *-avid* в составе суффикса *-david* (*-david:u*) диахронически может являться глаголом с корнем *-avi-* в форме перфекта либо деепричастия. Поскольку презенс нарушенного ожидания — финитная форма, логично в качестве исходной гипотезы принять, что глагол-источник имел именно финитную форму перфекта.

Противоречия в том, что этот предполагаемый источник выступал в форме прошедшего времени, а презенс нарушенного ожидания описывает ситуацию в настоящем, нет: как и в ряде других нахско-дагестанских языков, андийский перфект имеет и результативное значение, т.е. может описывать и состояние в настоящем (ср. *ingur arxon-d* ‘окно открыто’, *mašina bivi-d* ‘машина стоит’). Тем самым, в качестве источника компонента *-avid* должен был выступать глагол, допускающий результативное прочтение перфекта. Таким глаголом является, например, *b-ivi* ‘останавливаться’ (с начальной позицией для классного согласования), в форме перфекта *b-ivi-d* означающий ‘стоит’. В некоторых андийских говорах этот глагол выступает в качестве вспомогательного в аналитических формах прошедшего времени и, по-видимому, полностью или частично претерпевает превращение в глагол ‘быть’, см. [Кибрик, 1982: 83–88; Rochant, Verhees, 2017]. Тем не менее, *b-ivi* ‘останавливаться’/‘быть’ не кажется идеальным кандидатом на роль источника для показателя презенса нарушенного ожидания. Во-первых, в случае стяжения **-du* (*-do*) + *b-ivi-d* (даже при выпадении классного префикса) остается необъяснимым /a/ в показателе *-david*. Кроме того, неочевидно, что аналитическая форма со вспомогательным глаголом ‘стоит’ должна была развиваться именно в «отрицательный презенс» (ус-

ловно, ‘делает-стоит’ > ‘так и не делает’), а не приобрести, например, обычное дуративное или континуативное значение (‘делает-стоит’ > ‘всё ещё делает’). В тех говорах, где *b-ivi* грамматикализован в качестве вспомогательного глагола, никаких особых оттенков значения типа нарушения ожиданий с ним не ассоциируется.

Ситуацию проясняют данные зиловского говора (с. Зило), в котором презенс нарушенного ожидания имеет всё ещё аналитическую, не до конца морфологизованную структуру, ср. *k'am-me-b-avij* ‘не ест, не хочет есть’, *l'ixin-ne-w-avij* ‘не спит, не хочет спать’. Смысловый глагол в данном случае выступает в форме хабитуалиса, который в зиловском говоре имеет показатель *-e* (*-me*, *-ne* при основах с исходом на носовой). Вспомогательный же глагол, как и в других говорах, стоит в форме перфекта *-avij* (в зиловском суффикс перфекта *-d* / *-d:u* перешел в *-j*) и сохраняет начальный классный показатель, ср. *b-* (3-й класс) в первом и *w-* (1-й класс) во втором из приведенных выше примеров. Таким образом, исходным вспомогательным глаголом в составе формы презенса нарушенного ожидания был глагол с корнем *-avi*. В говорах современного андийского языка, насколько нам известно, этот глагол зафиксирован только со значением ‘уствовать’ [Гудава, 1959: 66; Кибрик, Кодзасов, 1988: 168; Салимов, 2001: 38], ср. рикванинское *den w-avi-d* ‘я устал’. Говорят ли нам что-то об этом корне данные родственных языков?

5. Поиск диахронического источника: родственные языки

Единственным языком андийской группы, в котором нам удалось обнаружить глагол, однокоренной с андийским *b-avi* ‘уствовать’, оказался багвалинский (кванадинский говор). В словаре из приложения к грамматике [Кибрик и др. (ред.) 2001: 838] отмечается лексема *b-avi* ‘противиться, уклоняться, отказываться делать что-либо’ с начальным классным показателем³. В кванадинских текстах, прилагаемых к грамматике, имеется лишь три примера употребления данного глагола; один из них воспроизведен в (5).

(5) *k'wan-di* *haddil:ir* *q'erl'eri*, *din* *b-ih-i-ra*
кванадинец-PL долго бороться.AOR религия N-брать-IPF.INF

b-avi-b-o.

N-противиться-N-PF.CONV

‘Кванадинцы долго боролись, сопротивляясь принятию [=взять] религии.’ [Кибрик и др. (ред.) 2001: 732]

³ Интересно, что в багвалинско-русском словаре [Магомедова, 2004] (основанном на данных других говоров) такой глагол не отмечен.

Еще в двух языках засвидетельствованы грамматические показатели, напоминающие по форме показатель андийского презенса нарушенного ожидания: можно предполагать, что эти показатели, как и упомянутый выше багвалинский глагол, имеют общее происхождение. В годоберинском языке имеется отрицательное презентное деепричастие ('не делая') на *-ibavi* [Саидова, 1973: 139; Kibrík (ed.), 1996: 47, 50, 53–54], причем в грамматике под ред. А. Е. Кибрика специально отмечается, что морфологический источник данного показателя неясен; ср. *buk:-ibavi* 'не падая'⁴. В ботлихском языке представлена аналитическая форма от инфинитива, включающая вспомогательный «отрицательный глагол» *b-avi* с классным префиксом [Гудава, 1962: 149]; ряд примеров этой конструкции встречается в словаре [Саидова, Абусов, 2012], ср. *epila min l'ibda w-ahi w-avi?* 'Почему ты не танцуешь?' (с префиксом мужского класса).

6. Предварительные итоги

Имеющиеся на сегодня данные, как нам кажется, позволяют постулировать в качестве источника андийского презенса нарушенного ожидания аналитическую форму «хабитуалис + вспомогательный глагол **b-avi* в форме перфекта». В ряде андийских говоров данная конструкция уже далеко продвинулась по пути грамматикализации: бывший вспомогательный глагол более не идентифицируется в качестве такового, полностью слит с (бывшим) смысловым глаголом, префиксальный классный показатель утрачен (ср. рикванинское *-david*). Грамматические формы, следующие близкому пути грамматикализации, отмечаются как минимум в годоберинском и ботлихском языках, ареально наиболее близких к андийскому, что может говорить о том, что мы в данном случае имеем дело с ареальной (контактной?) грамматикализацией либо с внутригенетическим «параллельным дрейфом» трех близкородственных языков. Пока еще задачей на будущее остается идентификация и семантическая реконструкция **b-avi* как лексической единицы в андийских языках.

Интересно, что, насколько нам известно, в языках Дагестана ни грамматикализация видо-временных форм со встроенным значением нарушенного ожидания, ни происхождение отрицательных (или близких к ним) показателей из «внутренне отрицательных» глаголов типа 'уклоняться, отказываться' не являются хорошо засвидетельствованными путями грамматического развития.

⁴ Заметим, что, согласно описанию 1996 года, форма на *-ibavi* образуется от исходной основы глагола. Можно считать, однако (особенно учитывая данные родственных языков), что в действительности эта форма образуется от инфинитива на *-i* при помощи показателя *-bavi* (*-i* является ударным как в инфинитиве, так и в форме отрицательного деепричастия).

Список условных сокращений

AFF – аффиктив; AOR – аорист; ERG – эргатив; INF – инфинитив; IPF.INF – имперфективный инфинитив; M – мужской род; N – средний род; NEG – отрицание; PF.CONV – перфективное деепричастие; PL – множественное число; PRF – перфект; SUPER.LAT – суперлатив; UNEXP.PRS – презенс нарушенного ожидания.

Литература

- Гудава Т. Е. (1959) Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала: ИЯЛИ.
- Гудава Т. Е. (1962) Ботлихский язык (Botlixuri ena). Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР.
- Дирр А. М. (1906) Краткий грамматический очерк андийского языка // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 36. Отд. 4. С. 1–200.
- Кибрик А. А. (1982) Фрагменты системы финитных глагольных форм в андийском языке. Экспедиционный отчет. Анди – Москва. (Рукопись.)
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. (1988) Сопоставительное изучение дагестанских языков: Глагол. М.: Изд-во МГУ.
- Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютюкова Е. А., Татевосов С. Г. (Ред.). (2001) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: ИМЛИ РАН.
- Магомедова П. Т. (2004) Багвалинско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Саидова П. А. (1973) Годоберинский язык. Махачкала: ИЯЛИ Даг. фил. АН СССР.
- Саидова П. А., Абусов М. Г. (2012) Ботлихско-русский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Салимов Х. С. (2010) Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Сулейманов Я. Г. (1957) Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР.
- Церцвадзе И. И. (1965) Андийский язык (Andiuri ena). Тбилиси: Наука.
- Kibrik A. E. (Ed.) (1996) Godoberi. Munich: Lincom.
- Verhees S., Rochant N. (2017) The (auxiliary) verb *b-ividu* in Andi // Historical Linguistics of the Caucasus: Book of abstracts. Paris, 12–14 April, 2017 / Историческое изучение языков Кавказа: Тезисы докладов Международной научной конференции. Париж, 12–14 апреля 2017 г. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН. P. 197–200.